

НИКИТА КЛИМОВ

*Расследования
Зинаиды Павловны*

МАННАЯ КАША С СЕКРЕТОМ

Никита Климов

Манная каша с секретом

«Автор»

2026

Климов Н. А.

Манная каша с секретом / Н. А. Климов — «Автор», 2026

Бывший участковый терапевт Зинаида Павловна Воронцова отправляется в августовский отпуск в кисловодский санаторий «Тихая гавань» вместе с неугомонной подругой Люсей, внуком Тёмой и рыжей таксой Пуговицей. Кажется, впереди только нарзан, старинные белые колонны и знаменитая манная каша без комочков. Но за престижными «столиками у окна» отдыхающие один за другим падают в обморок ровно через сорок минут после завтрака. А когда галантный московский профессор-эндокринолог узнаёт в обаятельном санаторном докторе давнего самозванца, наутро учёного находят мёртвым в номере, запёртом изнутри на цепочку. Полиция готова списать всё на случайную передозировку инсулина, но сорок лет врачебной практики не обманешь: Зинаида Павловна видит след укола там, куда диабетик со стажем никогда бы себе не уколол. В конце книги — рецепт той самой идеальной манной каши!

© Климов Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Колонны наркомской дачи и каша с утра пораньше	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Никита Климов

Манная каша с секретом

Глава 1. Колонны наркомской дачи и каша с утра пораньше

Ровно в шесть ноль-ноль Зинаида Павловна Воронцова открыла глаза.

Старый зелёный будильник «Слава», который она по привычке возила с собой даже в отпуск и ставила на прикроватную тумбочку, стоял на отметке без четверти семь. Он стоял так уже одиннадцать лет — с того самого вторника, когда покойный муж Коля уронил его в таз с грушевым компотом, попытался просушить паяльной лампой и торжественно объявил, что теперь время в их доме остановилось к лучшему.

Будильник Зинаиде Павловне был не нужен. Сорок лет практики на третьем терапевтическом участке поликлиники № 2 города Луговска вбили в её организм расписание покрепче любого часового механизма. В шесть — подъём. В шесть пятнадцать — зарядка для поясницы, чтобы грыжа четвёртого позвонка знала своё место и не командовала. В шесть тридцать — таблетка от давления и стакан тёплой воды мелкими глотками.

Только сегодня вместо привычного скрипа дачных половиц в родной «Рябинке» за высоким венецианским окном шумели вековые голубые ели, а по высокому лепному потолку с гипсовыми розетками в виде виноградных гроздей полз розовый кислородский рассвет.

С соседней полуторной кровати свесилась рыжая морда с длинными бархатными ушами. Такса Пуговица открыла один карий глаз, убедилась, что хозяйка на ногах, и деликатно стукнула хвостом по казённому вафельному покрывалу.

— Тихо, Пуговка, — шёпотом велела Зинаида Павловна, спуская ноги в мягкие войлочные тапки. — Не буди мальчика. И Людмилу не буди, а то сейчас начнётся утренняя планёрка.

Но было поздно. Из смежной комнаты двухкомнатного полулюкса раздался могучий вздох, скрипнула под солидным весом панцирная сетка, и в дверном проёме показалась Людмила Ивановна Пряхина в шёлковом халате цвета спелого пиона и с розовыми поролоновыми бигуди на голове.

— Зина, я не спала! — трагическим шёпотом сообщила Люся, прижимая к пышной груди мобильный телефон. — Я с пяти утра лежу и думаю: а вдруг Эльвира забыла, что Маркизу минтай надо размораживать при комнатной температуре, а не в микроволновке? В микроволновке у рыбы края варятся, Маркиз такое есть не станет, у него от варёного хвоста стресс и шерсть тускнеет!

— Люся, твой Маркиз весит девять килограммов двести граммов, — сухо заметила Зинаида Павловна, застёгивая тёмно-синий кардиган и проверяя пальцами мамины позолоченные часики «Чайка» на запястье. — Даже если Эльвира Марковна неделю будет кормить его одной музыкой Шопена, кот похудеет максимум до состояния очень упитанного барсука.

— Ты бессердечная женщина, Воронцова! — возмутилась Людмила Ивановна. — У тебя сорок лет практики, у тебя вместо сердца фонендоскоп! Между прочим, Эльвира — человек искусства, у неё в голове бемоли и тюрбаны. Вдруг она положит рыбу на рояль? А Дятлов обещал приглядывать за огурцами в теплице и вчера не прислал фотоотчёт! Я ведь теперь не просто отдыхающая, Зина. Я председатель СНТ «Рябинка»! На мне восемьдесят участков, водопровод и общественная мораль!

При слове «председатель» Зинаида Павловна невольно покосилась на свою дорожную сумку, где рядом с верным механическим тонометром лежала толстая клеённая тетрадь в

чёрную крапинку. Всего месяц назад, в июле, старый председатель Бурков упал прямо за судейским столом на конкурсе вишнёвого варенья, успев выговорить одно только слово: «Горчит!». Тогда полиция едва не закрыла саму Люсю, и если бы не эта клеённая тетрадь, не нос Пуговицы и не фотографии Тёмы, сидеть бы сейчас бывшему главбуху молокозавода совсем в другом казённом учреждении, без лепнины и без нарзанных ванн.

На раскладушке у окна заворочался двенадцатилетний Тёма. Из-под одеяла высунулась вихрастая макушка, а следом — серые, внимательно прищуренные глаза. Точь-в-точь Колины. Каждый раз, когда внук вот так молча смотрел на неё спросонья, у Зинаиды Павловны где-то под ложечкой теплело и чуть-чуть покалывало.

— Ба, ты чего уже в форме? — сонно пробормотал Тёма, нашаривая на тумбочке очки и телефон. — До завтрака ещё полтора часа. Я вчера посмотрел по спутниковой карте: тут до Нарзанной галереи четыреста двадцать метров по прямой через старый парк. И вайфай в этом корпусе странный — на втором этаже стоят два репитера, а в правом крыле мёртвая зона.

— В правом крыле стены в три кирпича, Артём, — сказала Зинаида Павловна, подходя к окну и раздвигая тяжёлые бархатные портьеры. — Ты на год постройки над портиком смотрел? Тысяча девятьсот тридцать шестой. Бывшая дача наркома тяжёлой промышленности. Тут стены строили так, чтобы ни сквозняк, ни лишнее слово наружу не вылетели.

За окном во всей красе раскинулся санаторий «Тихая гавань». Белый двухэтажный особняк с мощными коринфскими колоннами, широкой мраморной балюстрадой и полукруглым розарием перед парадным крыльцом напоминал декорацию к старому довоенному фильму. От балюстрады вниз, к резным чугунным воротам и шумящей в ущелье горной речке, спускалась широкая каменная лестница с вазонами, в которых цвели алые канны и петунии.

— Красиво, — признала Люся, подходя сзади и водружая поверх бигуди свой любимый газовый платок нежно-розового оттенка. — Почти как у Эльвиры Марковны на шестом участке, только колонн побольше и воздух дешевле. Хотя почему дешевле? Гуля твоя нам путёвки со скидкой выписала, но если бы не твоя телеграмма, я бы сейчас в «Рябинке» ревизию сметы по щебню проводила!

— Гуля не просто так телеграмму дала, — тихо ответила Зинаида Павловна. — Гуля Ибрагимова сорок пять лет назад на гистологии мне препараты печени в микроскоп настраивала и ни разу в жизни ни у кого помощи не просила. Если Гуля звонит в Луговск и говорит: «Зина, бери билет, у меня люди после завтрака падают как озимые», — значит, дело пахнет не курортом.

В кармане кардигана требовательно зажужжал телефон. На экране высветилось: «Ирина (Москва)».

Зинаида Павловна вздохнула, посмотрела на часы «Чайка» — шесть двадцать две, в Москве столько же, дочь уже пьёт свой безлактозный капучино по дороге в банк — и нажала зелёную кнопку.

— Доброе утро, Ирочка.

— Мама, я надеюсь, вы уже в Кисловодске и ты просто пьёшь минеральную воду! — без предисловий начала Ирина своим звонким банковским голосом, каким обычно отказывают в реструктуризации кредита. — Тёма мне вчера написал, что у вас в санатории какие-то «странные обмороки» и что ваша тётя Гуля позвала тебя «консультировать». Мама, я тебя умоляю! Мне хватило июля и вашего дачного казначея с наперстянкой! У меня до сих пор глаз дёргается, когда я вижу вишнёвое варенье!

— Там был дигоксин в таблетках, Ирочка, а наперстянку Дятлов растил от тли и для красоты, — мягко поправила Зинаида Павловна. — И не кричи так, у тебя от спазма сосудов к сорока пяти годам мигрени начнутся. Покажи-ка мне лучше через неделю свои анализы на ферритин, у тебя в прошлый приезд ногти слоились.

— Мама, не переводи тему! — в голосе дочери зазвенел металл. — Ты на пенсии! Тёма на каникулах! Я приеду за ним в конце следующей недели, и чтобы к моему приезду никаких трупов, никаких следователей и никаких твоих клеёнчатых тетрадей! Мама, не лезь! Ты меня слышишь? Обещай мне, что не будешь никуда лезть!

Зинаида Павловна посмотрела на потолок с гипсовым виноградом, потом на Пуговицу, которая уже деловито вынюхивала щель под плинтусом.

— Слышу, Ирочка, — спокойно ответила она. — Передавай привет зятю. И не пей кофе натошак, гастрит не дремлет.

Она положила трубку. Люся хихикнула, снимая бигуди перед зеркалом трюмо.

— Опять сказала «слышу»?

— Я женщина честная, Люся, — Зинаида Павловна расправила воротничок блузки. — Врать родной дочери я не приучена, а обещать глупости в моём возрасте вредно для тонуса миокарда. Собирайтесь. В семь ноль-ноль у Гули пятиминутка, она ждёт нас у служебного входа.

* * *

Главврач санатория «Тихая гавань» Гульнара Рашидовна Ибрагимова стояла у бокового крыльца за кустами сирени в накрахмаленном до синевы халате, поверх которого был накинут строгий твидовый жакет, и курила длинную тонкую сигарету, стряхивая пепел в чугунную урну. За сорок лет после института она почти не изменилась: та же цыганская смуглость, те же чёрные с проседью волосы, стянутые в тугой пучок на затылке, и тот же прищур хирурга, который за две секунды решает, резать или само рассосётся.

— Куришь, Ибрагимова, — вместо приветствия сказала Зинаида Павловна, подходя по гравийной дорожке. — Бронхи курильщика, цвет лица землистый, под глазами отёки. Давление утром мерил?

— Ой, Воронцова, только не начинай! — Гуля затушила сигарету, шагнула навстречу и крепко, по-мужски обняла подругу, ткнувшись носом ей в плечо. — Господи, Зинка... Как я рада, что ты приехала. А это кто с тобой? Люся Пряхина? Помню-помню, ты к нам в общежитие в семьдесят шестом году пирожки с капустой привозила, мы их со стипендии втроём за пять минут смели! А это внук? Ну вылитый твой Николай, царствие ему небесное, глаза один в один!

— А в сумке у нас эмоциональная поддержка, — гордо объявила Люся, указывая на рыжую таксу, которая чинно сидела у ноги Зинаиды Павловны с видом дипломированного курортолога. — Как ты вчера распорядилась на вахте: «собака-терапевт по индивидуальной программе реабилитации».

— Пусть хоть крокодил по программе реабилитации, лишь бы молчал при проверке, — мрачно усмехнулась Гуля, оглядываясь на зеркальные окна административного крыла. — Пойдёмте ко мне в кабинет, пока смена не началась. Расскажу, какая тут у нас каша заварилась. В прямом и переносном смысле.

Кабинет главврача располагался на первом этаже и сохранил дубовые панели тридцатых годов, зелёное сукно на огромном письменном столе и бронзовый чернильный прибор. Гуля плотно прикрыла дверь, проверила, не стоит ли кто в приёмной, и опустилась в кресло.

— Четыре случая за восемь дней, Зина, — без предисловий начала она, кладя ладонь на стопку амбулаторных карт. — Все четыре — как под копирку. Утром в восемь тридцать завтрак в нашем большом зале с колоннами. В меню овсянка или фирменная манная каша нашего шефа Петра Кузьмича Хорошилова, бутерброд с маслом и сыром, чай или кофейный напиток. Ровно через сорок — пятьдесят минут, между девятью пятнадцатью и девятью тридцатью, человек

идёт на процедуры или на прогулку по терренкуру. Внезапно — резкая слабость, профузный холодный пот, тремор рук, потемнение в глазах, спутанность сознания и обморок.

Зинаида Павловна машинально достала из сумки клеёнчатую тетрадь и авторучку, щёлкнула кнопкой.

— Артериальное давление в момент приступа? — деловито спросила она.

— В том-то и фокус, что давление почти нормальное или даже слегка повышенное от испуга — сто тридцать на восемьдесят пять, пульс частит под сто ударов, тахикардия! — Гуля потеряла виски. — Первые два раза дежурил наш новый курортолог, Илья Вадимович Зубарев. Обаятельный такой субъект, бархатный баритон, старушки от него пищат. Он записал в картах: «Ортостатический коллапс на фоне акклиматизации и приёма тёплых нарзанных ванн». Напоил их корвалолом и крепким сладким чаем, через полчаса все порозовели и пошли гулять.

— Корвалол при коллапсе — это, конечно, новое слово в мировой кардиологии, — хмыкнула Зинаида Павловна, делая пометку в тетради. — А помог им не корвалол, Гуля. Помог сладкий чай.

Гуля быстро взглянула на подругу:

— Ты уже думаешь на сахар?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.